

A romantic couple is shown in a dimly lit room, likely during the Christmas season. The man is wearing a blue suit and a blue patterned tie, and the woman is wearing a dark blue dress. They are sitting together, looking towards the left. In the background, there is a Christmas tree with lights and a framed picture on a table. The overall atmosphere is intimate and cozy.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 16**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 16

<https://litres.ru/74054131>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике 16 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

Содержание

На сеновале	4
Замкнутое кольцо	6
Тоска и страх	8
Шлюзы	10
Открою грех	12
Картошка	15
Мечта мента	17
Злоумышленник	18
Есть любовь	19
В неолите	21
Лес принял	24
Ты поверь	26
Шелест	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 16

На сеновале

По Москве я не шагаю кучковой,
Той, что Кучка где-то основал;
Небо ее так сновало тучами, -
Что сплошной там мокрый сеновал.
Я на нем... Москва внизу недалёная -
Пики зданий - вот заденут свод!..
Жизнь идет... Для тех она скандальная,
Кто с собою зонтик не берет.
Жизнь идет... Для тех она скандальная,
Кто с собою зонтик не берет.
Вот: стоят, гудят, под зданий стрехами;
Вот - чествят промозглую Москву...
Мне-то что, сижу себе с орехами,
Над дождем: на мокром, но - верху.
Сочиняю и жалею Кучку я:
Кажется, - лишили головы...
Олухом лежу себе над тучами,

Вниз гляжу, на всполохи Москвы!..

Вниз гляжу, на всполохи Москвы!..

Замкнутое кольцо

Текут в свету автомобили,
Как реки, по Москве текут;
Как будто люди отлюбили
И землю попусту толкут.
На них луна взирает просто;
И нет эмоций на лице.
Коллективизм, - как в «Окнах Роста» -
В садовом, замкнутом, кольце.
Соседям не кивают в окна;
Не дарят женщинам цветов.
Любимая собака сдохла?
Молчанье в уголках у ртов!
И нет особого несчастья;
Нет женщин - нет и мужиков;
В такую реку раз попасться –
Ищи покатых берегов!
Ни тихих заводей, ни смысла -
Пустой логистики под стать.
Без весел и без коромысел:
Ни отгрести, ни отчерпать.
Себя не вывалить из донки,
Взахлеб волной не порулить,
Плывут в реке той, как вдогонку,

Бездонной пробки рыбаки.

Бездонной пробки рыбаки.

Тоска и страх

Как в горле ком, тоска:
Стоит, - ни в зад, ни в перед,
Но пялится и что-то говорит.
Мне жизнь твоя во мне -
Как самый острый перец:
Глотай и не глотай,
Одно - горит!
Глотай и не глотай,
Одно - горит!
Горит тоска звездой;
Горит себе, не зная,
Что издали – мерцает и горит.
Скажи хоть слово мне,
Тоска моя большая, -
Что страх в твоей тоскливой
Мгле творит?
Что страх в твоей тоскливой
Мгле творит?
Как мгла, моя тоска –
Чернит все и мерцает,
Не ведая о страхе, перце мук?
Но что же так в душе
Порочно замирает,

Когда любви идет
Порочный круг?
Когда любви идет
Порочный круг.
Сгори, сгори, мой страх!
Скатись в небесном горне
Горячий ком обид звезды моей!
Гори, моя звезда,
Не стой обидой в горле -
Прогорклым перцем
Самых сладких дней!
Прогорклым перцем
Самых сладких дней!

Шлюзы

Пути приоткрыты, но шлюзы
Могучие
Предательски ждут позади:
Лишь сделаешь шаг, за спиной ржа
Скрипучая -
Тут же сомнет все пути?
Вот и шагаешь, и шаг –
То творение,
То - пламя угасших костров.
Так вот и множат пути
Повторения:
Может, - Иов* и Иов?***
Я перед вечностью - тля
Неказистая,
Что ей мой атом-шажок?!
И, все же, рядом, - как зло
Инквизиции, -
Каждый мой шаг – в «сапожок»!
Слушай, попутчик и ангел безликий
Мой!
Если до рока ты - мой, -
Брось колобродить, и шлюзы
Великие

Мне впереди приоткрой!

Мне впереди приоткрой!..

(*Иов – библейский праведник,
наряду с Даниилом и Ноем.

**Иов – первый русский Патриарх (при Б. Годунове).

Открою грех

Если позволят годы, время,
Избыток всяческих прорех
Стряхнуть греха большое бремя,-
Я им открою этот грех!
Да, расколю души орех,
Во всем признаюсь откровенно.
Они не знают, но надменно
Всю жизнь преследуют меня;
И, думаю, они, наверно, -
Не дали форы мне ни дня!
Их суть – всей жизни западня:
Жизнь переверстывают, верно.
Они, когда я шел до церкви,
Когда икону в руки брал, -
Гасили разум; в свете мерклом
Я помолиться забывал.
Был далеко не идеал
Тому, что страсть любви
Отвергло.
Они, я знаю, не позволят
Мне возвратиться к прежним дням:
Под властью лишь любовной боли
Я шел за Богом, по пятам.

Теперь я и ни здесь, ни там?
Молюсь, но душу не неволю...
Я видел, как Душа страдала,
Звала, вела меня к кресту?
И лишь Она, Она лишь знала,
Про грех, пустую маяту!
И что я жил, как в пустоту,
Хотя Душа предупреждала:
Что день придет, и пожалею,
Беспечно прожитой любви.
Ведь боль Души – она больнее,
Та боль – на Мировой крови!
И ею каждый вздох повит;
Она и солнца горячее!
И это – грех, пожалуй, главный.
Души пустоты кто считал?
Позволь мне, Боже, чтоб я плавно,
Не множа их, полнее стал!..
Был далеко не идеал
Тому, что страсть любви
Отвергло.
Они, я знаю, не позволят
Мне возвратиться к прежним дням:
Под властью лишь любовной боли
Я шел за Богом, по пятам.
Теперь я и ни здесь, ни там?

Молюсь, но душу не неволю...

Молюсь, но душу не неволю,

Ведь я теперь ни здесь, ни там...

Картошка

Хороша картошка в мае,
С толстой коркой -
С прошлых сборов.
Снег уже повсюду стаял,
Оглумлив испод заборов.
Скоро новые посевы,
Сбор глазков
В картошке, с «мясом»:
В той селекции усердны -
Чистим старые запасы.
Ты сидишь, как сновидение,
Сарафан тебе идет,
Ну, и я не привидение,
В сердце нежность оживет...
Жирные глазки отдельно,
А без «мяса» - те в сторонку.
Я их притулю у ели,
Окопаю потихоньку.
Ни одна душа не спросит
Тех глазков из мает мая:
Будет, будет мне картошка
С просек первых шишек.
Во рту – тает!

Ты сидишь, как сновидение,
Сарафан тебе идет,
Ну, и я не привидение,
В сердце нежность оживет...
Ни одна душа не спросит
Тех глазков из мает мая:
Будет, будет мне картошка
С просек первых шишек.
Во рту – тает!
И к картошке той, - кокоткой,
(Той, что, словно сало, тает)
Ты нальешь мне рюмку водки...
Май. Сижу, пишу. Мечтаю...
Ты нальешь мне рюмку водки...
Май. Сижу, пишу. Мечтаю...
Май. Сижу, пишу. Мечтаю...

Мечта мента

Скоро срок скостят дела срамные.
И - займусь душой своей. Мечта!
Дел невпроворот пока и ныне,
Как и до поныне – маята.
Только впереди, - мне так блажится, -
В даль пошлю я эту маяту.
Спать я буду вовремя ложиться -
Буду больше думать про мечту!
Буду время пестовать и холить,
Как иная баба - приворот.
Мне бы разобраться лишь с куколью,
Что не сеял, а, как мерзость, - прет!
Сколько ее, сорной той отравы!
Мне твердят: в том - тоже Смысл Небес!
Я пока кошу! Да ладно б - в травах!
В бабах, словно выкуколью, - бес!
Вот и занимаюсь, в души лезу;
Срам и похоть; выезд и захват!
Срок скостят тогда, - когда облезу.
В чем же я пред Богом
Виноват?!
В чем же я пред Богом
Виноват?!..

Злоумышленник

А стежок, - как всегда, - точно стрелочник:

Как случиться разрыв – виноват!

Я ведь тоже по жизни поделочник:

Что ж, теперь, - меня не оправдать?

Я пишу то, что под руку катится -

Перевясло; наперсток; игла...

Я пишу, что из рельсов ухватисто

Я тащу с злоумышленьем зла!

Мне ведь тоже, грузилу – писателю

И рубашка нужна, и уха.

Для одних я, почти, - круг спасательный,

Для других - сдутый воздух в мехах.

И в последнем таятся опасности:

Назван груздем – так лезь на бугор,

А не то по судам. Им без разности, -

Кто со властью, - раз пойман, так - вор!

Оправдайся потом, головою - в мать,

Или в печку - пустых мехов бредь:

Что без умыслу трогал железный путь.

Чтоб ему там, у них, заржаветь!

Что без умыслу трогал железный путь.

Чтоб ему там, у них, заржаветь!

Чтоб ему там, у них, заржаветь!

Есть любовь

Не начальник в жизни; не - печальник.
К небу неприметный ближе путь.
Робость сапоги мои тачала?
Своего не ведаю начала?
Ну, как знать! Могу рога согнуть!
Только лишь спокойнее – повнятней,
Жизнь – и так, как хаос да содом.
И во мне, в моей тиши приватной, -
И под небом грусти необъятной, -
Есть любовь; и квас, и хлеб - притом.
Есть любовь; и квас, и хлеб - притом.
Квас и хлеб. Чего в них, право, больше?
В первом – хлеба, кваса во втором?
Все в любви ни слаще и ни горше,
А у вас, быть может, - что побольше?
Мне в любви приятен тихий дом.
Пусть его чествят, по чем свет терпит.
Пусть, сорняк пролезет в думный гам...
Месяц на лугу небесном серпит –
Он своей косою по злакам чертит -
Прибавляет ржи к моих стогам.
Прибавляет ржи к моих стогам.
Не начальник в жизни; не - печальник.

К небу неприметный ближе путь.
Робость сапоги мои тачала?
Своего не ведаю начала?
Ну, как знать! Могу рога согнуть!
Своего не ведаю начала?
Ну, как знать! Могу рога согнуть!

В неолите

Послала Верка за грибами,
Ведь моя Верка хлебосол,
И с золотыми-то руками,
С женьбой ангел не подвел!..
Тропа грибная между сосен.
И, вдруг, - развилки: тут и там.
Спускайся с горки, - будто просят
Дни, подопревшие к грибам.
Но папоротник стройной гладью
Спешит укрыть все, что успел:
Как будто, из дремучей пади
Змею гремучую пригрел.
Как будто, из дремучей пади
Змею гремучую пригрел.

И моя Верка в том же роде,
Колючку запросто воткнет...
Но я о папоротнике, вроде?
Так продолжаю, ну и вот...
Я в нем настоroje: цепляю
Кусты густые палкой, гну...
И будто, - время отдаляет
Реалий тайную канву.

А по ту сторону реалий
Сохатый - прямо неолит:
Он гордо, в панцирных регальях, -
Дремучим взором лес сверлит.
Он гордо, в панцирных регальях, -
Дремучим взором лес сверлит.
Сверлит и моя Верка тоже...
Мы ж Гомо сапиенс – с умом!
Но я о чем? Ведь я о лосе?
Так продолжаю и о нем:
Копыта в наст - сохой железной...
Я ж гомо сапиенс - и все;
И для меня здесь, - будто в бездну
Эпох крутнулось колесо.
И ничего иного, вроде:
И лось, и лес, полян приют...
Но в папоротниках-недотрогах
Не слышу птиц я, не поют!
Но в папоротниках-недотрогах
Не слышу птиц я, не поют!
А что грибы: ужели пуще
Отсюда бросились гурьбой?
Я веткой раздвигаю кущи:
Боровиков здесь – рай земной!
Спасибо, тайна вековая,
В затишье моховых столбов!

В преддверье неземного рая
Здесь вырос древний сад грибов!
В преддверье неземного рая
Здесь вырос древний сад грибов!
И моя Верка здесь как Ева,
А я ей верный Лонцелот,
Но... здесь направо, иль налево?
Так продолжаю, ну и вот...
Иду с лукошками меж сосен.
Тропа назад ведет моя
Из неолита древних просек
Я слышу эхо соловья.
А моя Ева, точно знаю,
Ведь Гомо-сапиенс – не лгу -
Поставит мне, Адаму, к чаю,
Бальзам, настоящий на мху!
Бальзам, настоящий на мху!

Лес принял

Слыл грибником всегда удачным:
Лес принял, одарил мечтой,
Душою доброй, не иначе.
Ты без души в лесу – ничто.
Все рыщут по лесу, как волки,
Те, в ком ни капли доброты;
Как - ядовитые иголки,
Как - мрак нездешней темноты.
Как - ядовитые иголки,
Как - мрак нездешней темноты.
Все перепутала природа
И человек стал, как пират,
Как будто лес не для народа
А личный их грибковый сад.
Им - что грибница, что береза –
Что тайна древняя в яви!..
Изъяли душу под наркозом;
Лишь он остался в их крови?..
Откуда злое порожденье:
Жестокость, будто - боль им жизнь?!
Ничто на малое мгновенье
Им на глаза не покажись!
Ничто на малое мгновенье

Им на глаза не покажись!
Иду. Их встретив, - не киваю.
Их знаю я по злым делам.
В лес хобота в крови впивают,
А хлеб не делят пополам.
У каждого по три лукошка,
И есть мешки – чтобы их за горб...
Иду я мимо... Как матрешки –
Грибочки. Вымостить забор?
Все изувечат, бросят свалкой
Изрытых корневых глубин...
Грибов здесь много, их не жалко,
Да лес, он, - как и я – один!
Да лес, он, как и я, – один!

Ты поверь

Не гони ты волну в мою сторону;
Я хочу полежать на воде.
Галдовню слышу черного ворона, -
Пусть не сыщет меня он нигде.
Не мешай моей тайне евангельской:
Я у пазухи Бога теперь.
Я лежу, и пусть образ мой ангельский
Не отыщет в засаде мой зверь!
Я лежу, и пусть образ мой ангельский
Не отыщет в засаде мой зверь!
Он озлоблен в бессилье и каркает,
Вознамерясь меня провести.
Только шаг на воде – он не шаркает,
Здесь Иисус у меня на пути.
Он идет; отплываю я в сторону;
Он проходит и смотрит в меня;
Он уходит и смотрит на ворона -
И слышна воронья галдовня.
Он уходит и смотрит на ворона -
И слышна воронья галдовня.
Что велел там мой Бог тому «ворону»?
Но я встал. Отошел скрытый Зверь.
Что велел здесь мой Бог, в мою сторону?

Только тихо сказал: «Ты поверь!»
От чего? Разве жил я в безверии?
И чему же поверить теперь?
Отче Наш!.. Загляну я в Задверие?
Может, все еще там лютый зверь?..
Отче Наш!.. Загляну я в Задверие?
Может, все еще там лютый зверь...

Шелест

В нас лес, как буйный шквал вошел,
Тебя я трогаю, как нежность,
И твоя кожа, словно шелк,
И наливается в безбрежность,
А рядом шелест. Листьев шелест:
И, словно, - рысь прошла сверху;
Сломались сучья. И прошили
Большие шишки мглы стреху.
Гнездо пичуги взгомонилося
И тут же кануло во мглу.
Лишь капля янтаря скатилась
Горошком на хвои иглу.
А рядом шелест. Листьев шелест:
И, словно, - рысь прошла сверху;
Сломались сучья. И прошили
Большие шишки мглы стреху.
Как будто, львы здесь затаились -
Настолько все настороже.
И даже ночь с небес спустилась:
Искать убежище уже.
И всюду стоны, всюду крики;
Они повсюду – лес, как ад...
На ели острые, как пики, -

За тьмою следом - звездопад.

Как будто, львы здесь затаились -

Настолько все настороже.

И даже ночь с небес спустилась:

Искать убежище уже.

Его штрихи - как нерв. Инертна,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.